DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152

оригинальная статья
УДК 130.3; 340.114

Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты

Евгений О. Гаврилов [a, @, ID]

[a] Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, г. Кемерово

[@] gavrilich@yandex.ru

[ID] https://publons.com/researcher/1893079/evgeny-gavrilov/

Поступила в редакцию 26.04.2020. Принята к печати 17.05.2020.

Аннотация: Статья посвящена проблеме закрепления и осмысления цифрового суверенитета государства и личности. Исследование направлено на решение задачи по установлению корреляции между идеей цифрового суверенитета и глобальными социально-политическими изменениями. Раскрыто влияние современных тенденций общественного развития, выражающихся в ускорении процессов информатизации и глобализации общества, на формирование доктрины цифрового суверенитета и его правового оформления. Показано, что идея цифрового суверенитета является реакцией на трансформацию социального порядка в мире и состоит в выработке доктринальных положений и правовых норм, закрепляющих возможность самостоятельно и по своему усмотрению определять процесс образования, хранения и распоряжения цифровыми данными, а равно обеспечивать их неприкосновенность. Получает обоснование положение, согласно которому правовое оформление цифрового суверенитета может свидетельствовать либо о защите государственности и личности, либо, напротив, об их поглощении структурами глобального порядка, что в перспективе означает фактическую утрату категориями *суверенитет*, *государственность*, *личность* своего актуального смысла и реального содержания. Сделан вывод, что возможным направлением развития теории и практики суверенитета будет концептуализация феномена нейросуверенитета и формирование программ его осуществления.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, государство, искусственный интеллект, электронная платформа, нейронет, личность, нейросуверенитет

Для цитирования: Гаврилов Е. О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 146–152. DOI: https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152

Введение

В наши дни привычные понятия, используемые для обозначения различных сфер общественной жизни, претерпевают существенную трансформацию. Меняется диапазон их значений: он сужается или, напротив, расширяется, а иногда смысл меняется на противоположный. В частности, такой процесс наблюдается в политико-правовой сфере, где соответствующими понятиями обозначаются политические структуры и правовые нормы. Одной из базовых категорий здесь следует признать идею суверенитета, предложенную в качестве основания политико-правового порядка Ж. Боденом в 1576 г. В настоящее время специалисты выделяют широкое разнообразие видов суверенитета, каждый из которых претендует на официальное закрепление. Проблема состоит в том, что они трактуются неоднозначно, выступая то в качестве стратегий развития, то в качестве уже воплощенных социальных форм, и требуют более четкого концептуального и юридического выражения. Это касается и информационного, или цифрового, суверенитета. Включение этого понятия в научный оборот свидетельствует не только о развитии теории суверенитета, но и, что гораздо важнее, о реальной трансформации общественного строя. В философско-правовом аспекте это означает формирование новых смысловых и регуляторных императивов, которые могут послужить векторами социального развития. Задача нашего исследования состоит в том, чтобы раскрыть корреляцию идеи цифрового суверенитета с глобальными социальными политическими изменениями.

Теоретические основы

Идея суверенитета является одной из центральных идей современного мироустройства, прежде всего в области государственности. Получив теоретическое обоснование (Ж. Боден, Г. Гроций, Т. Гоббс), а затем первоначальное юридическое закрепление в документах Великой французской революции[1] [1], она стала одним из краеугольных понятий конституционного и международного права. Со временем она утвердилась в качестве признака государства, объединяя в себе требования независимости государства на международной арене и верховенства на своей территории. В доктринальном аспекте, начиная с работ Ж. Бодена, за суверенитетом закрепились качества абсолютности, неделимости, непрерывности и ряд других черт [2, с. 6; 3; 4].

[1] Например, Декларация прав человека и гражданина от 26.08.1789, Конституция (1791) и др.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152

Исторически государственный суверенитет стал выражением потребности в создании национальных централизованных государственных образований. Соответственно, возникновение и эволюция идеи суверенитета связаны с трансформацией общества и государства. Развитие идеи суверенитета идет путем ее распространения на различные сферы общественной и даже индивидуальной жизни. Это свидетельствует о существенных переменах в устоявшемся общественном порядке, об изменении прежних структур, составляющих этот порядок. Одним из маркеров современных общественных сдвигов стало понятие информационного или цифрового суверенитета. Что же нового к трактовке понятия суверенитета оно добавляет?

Очевидно, что информационный суверенитет связан с процессами информатизации общества. Их следствием становится реакция законодателя, идущего по пути активного развития правовой регламентации сферы информационных отношений. Это дает основание говорить о включении в содержание суверенитета государства такого компонента, как информационный суверенитет [5], что уже находит дословное выражение в законодательстве и официальных актах некоторых государств[2]. Помимо информационного суверенитета государства выделяется и информационный суверенитет личности, понимаемый по аналогии с суверенитетом личности [6] как обозначение определенной степени независимости человека от государства и от других людей в сфере информационных отношений [7; 8, с. 6, 67–85]. Однако, по мнению Л. Ю. Черняк, понятие информационного суверенитета некорректно как применительно к личности, так и применительно к государству, поскольку трактуется не на основе собственного значения, а через смежные понятия информационного контроля, информационной безопасности, неприкосновенности частной жизни и т. п. [7, с. 122; 9].

Эта точка зрения отчасти совпадает с мнением авторов, считающих, что суверенитет как публично-правовая категория может быть признаком только государства как особого субъекта политико-правовых отношений [10; 11]. Действительно, конституционное закрепление чаще всего имеет именно государственный суверенитет. Все остальные разновидности (народный, национальный, экономический, личностный и др.) обычно выделяются только доктринально. Тем не менее, несмотря на малую распространенность правового закрепления других видов суверенитета, каждый из них конкретизирует содержание государственного суверенитета, а главное, нередко апеллирует к нему в качестве удостоверяющей инстанции и тем самым содействует укреплению государственности. Если говорить о правовом закреплении всех видов суверенитета, то его наличие аргументируется обращением к нормам, закрепляющим правовое положение обладателя суверенитета, неотъемлемость его прав и свобод, правовую защиту и гарантии. Такого рода норм в сфере информационных отношений становится все больше, что ставит еще одну проблему определения информационного суверенитета, состоящую в том, что понятие информации даже в законодательстве трактуется чрезвычайно широко[3]. Оно позволяет включить в себя не только документы или виртуальные информационные ресурсы, но и результаты интеллектуальной деятельности, генетический код, материальное и нематериальное культурное наследие и т. д. [12–14]. Международные структуры (ЮНЕСКО) [15, с. 20] и некоторые секты (например, эниология)[4] [16] только добавляют неопределенность, внося в определение информации субстанционалистские оккультно-мистические коннотации.

В философском значении под информацией может быть представлено все, что может иметь вид идеи, текста, символа, сообщения или данных. В нашем исследовании ограничимся такой трактовкой информации, которая прямо или косвенно связана с процессами информатизации. В них информация получает электронный виртуальный вид и в этом качестве оказывается предметом правового регулирования и объектом правоотношений. Исходя из этого, более уместной формулировкой представляется *цифровой суверенитет*, что подчеркивает его связь со сферой функционирования информационных технологий. В рамках доктрины и официальных документов буквальное использование этой конструкции уже встречается [17]. Но говорить о закрепленности цифрового суверенитета в праве можно с определенной долей условности.

В России к законам, закрепляющим цифровой суверенитет государства, условно можно отнести нормативные акты, устанавливающие его возможность самостоятельно осуществлять политику в сфере функционирования информационных технологий и генерируемого цифрового контента, включая военные действия (разведка, кибератака, шифрование, информационная война). Таковым является закон «О национальной платежной системе», которым вводится российская платежная система для безналичных расчетов, неподконтрольная зарубежным компаниям[5]. Сюда же относится вызвавший широкий резонанс пакет поправок, носящий условное название *закон «об устойчивом Рунете»*[6]. Зарубежное законодательство, направленное на усиление государственного контроля над цифровыми ресурсами и цифровой средой, развито в Китае, Иране, Индии, Кубе и др.[7]

Что касается правового закрепления цифрового суверенитета личности, то к нему можно условно отнести

[2] О национальной программе информатизации. Закон Украины от 04.02.1998 № 74/98-ВР // Ведомости Верховной Рады Украины. 1998. № 27–28. Ст. 181.

[3] Об информации, информационных технологиях и о защите информации. ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Российская газета. 29.07.2006. № 0 (4131).

[4] Правда о секте «Эниология» // Антиэнеологический портал. Режим доступа: http://www.anti-eniologiya.cf/index.php (дата обращения: 20.03.2020).

[5] О национальной платежной системе. ФЗ от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Российская газета. 30.06.2011. № 139.

[6] О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». ФЗ от 01.05.2019 № 90-ФЗ // Российская газета. 07.05.2019. № 97.

[7] Bischoff P. Internet censorship 2020: a global map of Internet restrictions // Comparitech. 15.01.2020. Режим доступа: https://www.comparitech.com/blog/vpn-privacy/internet-censorship-map/ (дата обращения: 20.03.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152

законодательство, обеспечивающее возможность независимой и автономной деятельности человека в цифровом пространстве, а также его защиту в данной сфере. Одним из последних нововведений в этой сфере является закрепление в ст. 141.1 ГК РФ цифровых прав[8]. Равным образом могут быть истолкованы установленное законом «право на забвение» в Интернете[9], закон «О персональных данных»[10] и ряд других прав, нацеленных на защиту или неприкосновенность активности физических лиц в виртуальном пространстве. В зарубежных странах правовым закреплением цифрового суверенитета можно считать правовое применение таких категорий, как *privacy* (частная жизнь), *identity* (индивидуальность), *informationelle Selbstbestimmung* (информационное самоопределение) и др. [8, с. 76–85; 18, с. 48]. Не выражая категорию *цифровой суверенитет* прямо, правовые акты зарубежных стран распространяют уже закрепленные категории, обеспечивающие суверенитет личности, на область информационных отношений, включая цифровую среду.

Несмотря на разницу в масштабах, цифровому суверенитету государства и цифровому суверенитету личности присущи общие признаки: возможность по своему усмотрению определять процесс образования, хранения и распоряжения цифровыми данными, а равно и обеспечивать их сохранность и защиту [17; 19–21]. Что означает появление цифрового суверенитета в доктрине и предложение закрепить его в правовой системе? Как правило, правовая регламентация отношений означает одновременно их *значимость* и в неменьшей степени *уязвимость*. Отношение, будучи регламентировано правом, приобретает официальный характер и получает дополнительное удостоверение государством, подкрепляется его властными полномочиями. Для чего это нужно? Именно для того, чтобы закрепить определенную модель правоотношений, определенное положение субъектов и объекта правоотношений в том виде, в котором законодатель считает необходимым. А это означает воздействие на формирование всего социального уклада, лежащего в основе социального порядка и политической иерархии. Основой такого уклада практически на любом этапе человеческой истории является возможность официального обладания регулируемым предметом. Особенно значима эта закрепляемая правом возможность в отношении объектов, на которые не распространяется сила традиции или религии, т. е. для сравнительно новых явлений.

Современные тенденции

Говоря о возможности правового закрепления цифрового суверенитета, нельзя обойти вниманием два аспекта: во-первых, значимость цифровизации в современном обществе и, во-вторых, угрозы, связанные с ее распространением. О значимости информатизации и цифровизации говорит тот факт, что информационные технологии встраиваются во все сферы человеческой жизни, стремительно и неузнаваемо меняя их не только внешне, но и содержательно. Самой заметной является, конечно, опосредованность взаимодействия людей, проявляющаяся в обязательном участии автоматизированных электронно-вычислительных машинных и программных инструментов [22], которые способны полностью заменить человека, а в некоторых областях уже осуществляют это. Сегодня СМИ, как бы готовя население к неизбежности такого рода перспектив, публикуют перечень вымирающих профессий, а некоторые политики прямо заявляют, что ряд специальностей в ближайшее время исчезнет[11]. Эта угроза касается не только профессий. Само государство, подвергаясь воздействию процессов информатизации, теряет свои очертания, все больше интегрируясь в цифровые платформы, экосистемы, архитектуры и сети. Трансграничность и распределенность управления обществом снижают значимость территориальной автономности государства.

Вместе с государством меняется и человек. Причем меняются не только формы его взаимодействия с другими людьми, которые становятся все более опосредованными техническими средствами. Любая активность человека так или иначе оказывается связанной с виртуальной средой, которая начинает приобретать черты относительно самостоятельной области социальной жизни, черты объективированных социальных форм и в этом качестве влияет на все остальные сферы человеческой активности. Трактуемая как нематериальный мир, она дополняет предметную реальность, область непосредственных коммуникаций индивидов, личное пространство, выступая их значимым фактором и даже генератором. Причем наряду с привычными субъектами общественных отношений возникает новый особый субъект – искусственный интеллект, – законодательное закрепление прав которого находится уже на стадии внедрения[12]. Исходя из этого, поднимаемая специалистами проблема правового закрепления цифрового суверенитета государства и личности, по сути, ставит вопрос о возможности фактического и юридического обладания названными субъектами особого рода виртуальной цифровой реальностью и о праве ее формировать.

Процесс информатизации и цифровизации общества требует обратиться и ко второму аспекту проблемы правого закрепления цифрового суверенитета – возможности посягательства на суверенитет государства и на суверенитет

[8] ГК РФ (ч. I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. № 238–239.

[9] О внесении изменений в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 29 и 402 ГПК РФ. ФЗ от 13.07.2015 № 264-ФЗ // Российская газета. 16.07.2015. № 154.

[10] О персональных данных. ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета. 29.07.2006. № 0 (4131).

[11] Эксперты назвали самые быстро исчезающие профессии // ТАСС. 16.01.2019. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/6005275 (дата обращения: 20.03.2020); Захаров Р. В Госдуме назвали исчезающие с рынка труда профессии // Звезда. 04.08.2019. Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201984210-m0xyG.html (дата обращения: 20.03.2020).

[12] Хижняк Н. Впервые в истории робот получил гражданство // Hi-news.ru. 26.10.2017. Режим доступа: https://hi-news.ru/technology/vpervye-v-istorii-robot-poluchil-grazhdanstvo.html (дата обращения: 20.03.2020); О развитии искусственного интеллекта в РФ. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700; Кравченко С. Текст, написанный ИИ, впервые защитили авторским правом // Infostart.ru. 30.01.2020. Режим доступа: https://infostart.ru/journal/news/tekhnologii/tekst-napisannyy-ii-vpervye-zashchitili-avtorskim-pravom_1179912/ (дата обращения: 20.03.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152

личности. Не случайно призывы обеспечить цифровой суверенитет часто раздаются от лиц, работающих в сфере защиты цифровых данных[13]. Все стороны жизни человека и деятельности государства оказываются уязвимы настолько, насколько возможно использовать цифровые средства во вредоносных целях. Речь идет не только о систематических утечках данных (в 2019 г., по подсчетам специалистов, «утекло более 14 млрд конфиденциальных записей»[14]), но в большей степени о возможности создавать поддельную реальность, в том числе и физическую, с помощью цифровых средств (технология *Deep Fake*)[15]. Но главная опасность для человека и государства в контексте распространения цифровых технологий состоит в том, что оно ведет к переструктурированию мирового порядка, основанного на паритете сил централизованных национальных суверенных государств и на неприкосновенности прав и свобод личности.

Суверенитет государства перечеркивается распределенным характером электронных информационных ресурсов и сетей, а равно принадлежностью значительного, если не подавляющего, объема электронных коммуникаций и программного обеспечения небольшому количеству субъектов, лишь часть из которых находится под прямым контролем государств. Условия суверенности сегодня сосредоточены в руках иностранных субъектов, являющихся зачастую частными структурами. Соответственно, вопрос о закреплении цифрового суверенитета государства – это вопрос сохранения суверенитета государства в принципе. Однако его закрепление в национальном законодательстве при отсутствии материальных условий для этого будет означать, что цифровой суверенитет государства всегда будет производным от суверенитета компаний – поставщиков IT-ресурса, предоставляющих ему для осуществления функций управления виртуальную платформу и техническую инфраструктуру.

Подобным образом обстоят дела и с цифровым суверенитетом личности. Подавляющая часть виртуальных инструментов и ресурсов, которые использует современный человек, представляет собой чужую собственность или является объектом исключительных прав. В этих условиях правовое закрепление цифрового суверенитета личности будет сложно осуществимым. Наглядно это показывает закон «О персональных данных»[16], который, по сути, узаконивает процедуру легализации передачи персональных данных не только непосредственным участникам правоотношений, но и третьим лицам, часть из которых могут быть иностранными подданными. Так, данными, которые собираются в рамках программы «Электронный дневник школьника», может располагать не только портал государственных услуг, но и частная компания ИРТех и зарубежный владелец ее активов – оффшорная компания Истерн Трейд Холдингз Лимитед[17]. Эти же угрозы несут внедряемые системы сквозной и удаленной идентификации личности[18], средства обработки персональных данных, нейронет и др.

К сожалению, не исключено, что законодательное закрепление цифрового суверенитета начнет действовать противоположным образом, нежели это задумывалось законодателем. Может случиться так, что оно узаконит процедуры отъема этого самого суверенитета третьими лицами, которые владеют техническими и программными средствами его обеспечения. О том, что такая возможность существует, прямо свидетельствует негативная реакция ФСБ на подготовку к принятию законопроекта о цифровом профиле россиян[19]. Другие специалисты помимо возможности манипуляции, подделки или утраты этих данных отмечают угрозу давления цифрового профиля над собственными качествами человека[20].

Как проблема правого закрепления цифрового суверенитета проявляется в социальном ракурсе? Напомним, что вопрос о суверенитете вошел в сферу политико-правовой доктрины в то время, когда иерархические и властные отношения сместились от раздробленных удельных форм к централизованным. А вопрос о суверенитете личности, в свою очередь, исторически вышел из теории и практики политико-правого обеспечения прав, свобод и автономии человека и отчасти из концепций обоснования и практики реализации централизованных политических форм. Дело в том, что ключевым субъектом первых теорий суверенитета был суверен. То есть персона правителя напрямую была связана с закреплением суверенных прав. Это и позволяет говорить, что суверенитет личности в философском осмыслении и правовых предписаниях возникает одновременно с суверенитетом государства. Актуализация вопроса о суверенитете в средние века означала необходимость поиска смысловой и юридической формулы, отражающей социальные трансформации.

Потому и вопрос о суверенитете в его современном контексте можно рассматривать как реакцию на внешние исторические процессы, а дискуссии по поводу новых видов суверенитета – как ответы на глобальные социальные сдвиги, в которых происходит смещение властных отношений

[13] Ашманов И. Битва за рунет. Как добиться цифрового суверенитета? // E-news. 01.11.2019. Режим доступа: https://e-news.su/in-russia/303970-bitva-za-runet-kak-dobitsya-cifrovogo-suvereniteta-igor-ashmanov.html (дата обращения: 20.03.2020).

[14] Черников А. Утечки данных 2019: статистика, тенденции кибербезопасности и меры по снижению рисков взлома // Vc.ru. 28.01.2020. Режим доступа: https://vc.ru/services/103616-utechki-dannyh-2019-statistika-tendencii-kiberbezopasnosti-i-mery-po-snizheniyu-riskov-vzloma (дата обращения: 20.03.2020).

[15] Федоров Е. Технология deep fake как повод для начала войны // Военное обозрение. 17.12.2019. Режим доступа: https://topwar.ru/165799-tehnologija-deep-fake-kak-povod-dlja-nachala-vojny.html (дата обращения: 20.03.2020).

[16] О персональных данных…

[17] Четверикова О. Н. Против цифровизации образования // Завтра. 24.04.2019. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/mesh_minzdrav (дата обращения: 20.03.2020).

[18] ФСБ раскритиковала проект по созданию цифровых профилей россиян // Znak. 13.11.2019. Режим доступа: https://www.znak.com/2019-11-13/fsb_raskritikovala_proekt_po_sozdaniyu_cifrovyh_profiley_rossiyan (дата обращения: 20.03.2020).

[19] Там же.

[20] Четверикова О. Н. Против цифровизации образования…

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152

от централизованных национальных государств к наднациональным межгосударственным или частным структурам. В таком аспекте подлинный цифровой суверенитет для государства и для личности будет означать возможность вообще обходиться без цифровых средств и предлагающих их частных иностранных посредников при осуществлении своих функций и правомочий.

Но это, так сказать, негативный аспект суверенитета. Что же касается его позитивного аспекта, то он как минимум должен предполагать возможность определять содержание, форму выражения и функционирование цифровой реальности по усмотрению носителя суверенитета. Сегодня у государства и у человека в этой области существуют соперники. Один – в лице транснациональных корпораций, а другой – в лице искусственного интеллекта. Получается, что, как и в момент своего возникновения, разговор о положительном цифровом суверенитете означает возникновение новых субъектов этого суверенитета, которые, пользуясь сложившейся благоприятной конъюнктурой, стремительно перехватывают инициативу у традиционных носителей суверенитета. Следовательно, в настоящее время мы становимся свидетелями смещения суверенитета с государства и личности к субъектам, одни из которых представляют собой владельцев цифровых ресурсов, а другие существуют как относительно самостоятельная часть этих ресурсов. Учитывая глобальный характер происходящих изменений, в перспективе это означает трансформацию мирового порядка, приобретающего структуру, разительно отличающуюся от всех прежних форм.

Чего стоит хотя бы практика создания нейронета, что попросту означает соединение центральной нервной системы людей с виртуальной средой Интернета при помощи инвазивных и неинвазивных средств[21]. Это, по сути, создание общества, в котором будут распространены машинные способы управления, а сознания людей в своей совокупности будут образовывать новые общности коллективных разумов. Но где разум – там и неразумие, где машина – там и сбой. Где гарантия того, что новое цифровое общество не будет подвержено массовым ментальным пандемиям и критическим системным сбоям, как сегодня это мы наблюдаем в физической реальности. Как будет рассматриваться духовный мир человека и его объективации, если человек не сможет отличить и отделить собственное духовное содержание от чужого? И каким тогда окажется статус государства, если его признаки и структурные элементы будут подчинены лишь оформлению движения информационных виртуальных потоков? Ну и, пожалуй, самый главный вопрос в намечающемся плане глобальных преобразований: кто будет контролировать эту среду и кто будет контролировать контролера? Вероятно, следуя логике развития событий, следует ставить вопрос не о цифровом суверенитете государства и личности, а о *нейросуверенитете*, который может стать единственным прочным основанием суверенитета в формирующемся обществе будущего[22].

Заключение

Проблема цифрового суверенитета в контексте глобальных социальных изменений означает наступление этапа смещения признаков суверенитета в новую область, которая выступает в качестве средства обеспечения доминантного положения как на институциональном, так и на индивидуально-личностном уровне. Его правовое закрепление может означать либо попытку сохранения статус-кво государства и личности, либо формально легальный способ трансляции и транзита суверенных качеств к новым субъектам. На политическом уровне в перспективе становится возможным забвение функций государства (осуществление властных полномочий, выражающих его социальное назначение). На уровне личности в будущем становится возможной утрата самостоятельного определения субъектом своих личностных качеств как выражения его автономного существования и мировоззрения. Сказанное приводит к выводу о смысловом смыкании проблемы цифрового суверенитета государства и личности, поскольку государство как носитель суверенитета невозможно без суверенной личности индивидов, составляющих его народ и его правителей. Это означает, что процесс официального закрепления цифрового суверенитета в современных условиях внутренне содержит диапазон возможностей от нового обоснования и установления соотношения всех видов суверенитета до исчезновения суверенитета как фундаментальной категории социального порядка. Реализация возможностей цифровых технологий ставит вопрос о существовании нового вида суверенитета – нейросуверенитета.

Литература

1. Сиваш Е. М. Вопрос суверенитета в актах Великой французской революции и Священного союза // Проблемы законности. 2011. № 115. С. 228–237.
2. Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Принципы и свойства государственного суверенитета // Академический юридический журнал. 2016. № 3. С. 4–12.
3. Реут О. Ч. Прилагательные суверенитета. Суверенитет как прилагательное // Полис. Политические исследования. 2007. № 3. С. 115–124. DOI: 10.17976/jpps/2007.03.09

[21] Ивтушок Е. Нейробиологи неинвазивно объединили мозги трех людей в сеть // N+1. 01.10.2018. Режим доступа: https://nplus1.ru/news/2018/10/01/brain-to-brains (дата обращения 20.03.2020); Национальная технологическая инициатива // Агентство стратегических инициатив. Режим доступа: https://asi.ru/nti/ (дата обращения: 20.03.2020); Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Ноон-технология в технической деятельности. Общие положения. ГОСТ Р 43.0.3-2009 // СтандартИнформ. Режим доступа: http://www.standards.ru/document/4568118.aspx (дата обращения: 20.03.2020).

[22] Близкими по смыслу могут считаться концепты ментального суверенитета, духовного суверенитета, виртуального суверенитета и т. п. Понятие нейросуверенитета в рамках данного исследования видится более предпочтительным в связи с учетом возможностей технических средств воздействовать на мозг и духовный мир человека.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152

4. Токарев В. А. К вопросу о понятии «обладатель суверенитета» (сравнительно-правовой аспект) // Известия вузов. Правоведение. 2016. № 3. С. 130–139.
5. Зорина Е. Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 345–348. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348
6. Матузов Н. И. К вопросу о суверенитете личности // Правоведение. 1994. № 4. С. 3–14.
7. Черняк Л. Ю. К вопросу о понятии информационного суверенитета: теоретический и сравнительно-правовой аспекты // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3. С. 117–122.
8. СМИ и Интернет: проблемы правового регулирования / сост. В. Н. Монахов. М.: ЭКОПРИНТ, 2003. 320 с.
9. Терентьева Л. В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. №. 1. С. 187–200. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.187.200
10. Симонов В. А. Суверенитет: проблемы субъектов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1. С. 54–68.
11. Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Суверенитет как юридическая категория // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 9. С. 142–151.
12. Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex russica. 2019. № 6. С. 110–121. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.110-121
13. Рузанова В. Д. Законодательство в области персональных данных как институт информационного законодательства // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 15–22. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-2-15-22
14. Алиева Г. В. Возможности и пределы охраны нематериального культурного наследия с помощью международной системы защиты прав человека // Legal Concept. 2018. Т. 17. № 3. С. 133–145. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2018.3.19
15. Бочков С. И. Проблемы правового регулирования инновационной деятельности. М.: Медиацентр, 2015. 46 с.
16. Гаврилов Е. О. Метаморфозы религиозности в современной России в контексте глобальных социальных изменений // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 42–49.
17. Boberach M., Neuburger R. Zukunftspfade Digitales Deutschland 2020 // HMD. 2014. Vol. 51. P. 762–772. DOI: 10.1365/s40702-014-0087-z
18. Ронелленфич М. Защита персональных данных в Германии и в Европе // Сборник статей о праве Германии. 2015. Вып. 1. С. 48–54.
19. Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215
20. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 330–334. DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334
21. Кефели И. Ф., Мальмберг С. А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1. С. 29–39. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-29-39
22. Жукова О. И., Жуков В. Д. О некоторых аспектах нравственных отношений в эпоху информационного общества // Коммуникативные стратегии информационного общества: тр. XI Междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 октября 2019 г.) СПб., 2019. С. 75–76.

original article

Digital Sovereignty in the Context of Globalization: Philosophical and Legal Aspects

Evgeniy O. Gavrilov [a, @, ID]

[a] Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), Russia, Kemerovo

[@] gavrilich@yandex.ru

[ID] https://publons.com/researcher/1893079/evgeny-gavrilov/

Received 26.04.2020. Accepted 17.05.2020.

Abstract: The article features the problem of consolidating and understanding the digital sovereignty of the State and the individual. The author addresses the challenge of establishing a correlation between the idea of digital sovereignty and the global socio-political change. The paper focuses on the effect of modern trends of social development, i.e. accelerated social informatization and globalization, on the development of doctrine of digital sovereignty and its legal design. The author believes that the idea of digital sovereignty is a reaction to the transformation of the global social order, which resulted in new doctrinal provisions and legal norms. They give citizens the right to determine the process of formation, storage, and management of digital data,

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152

as well as to ensure their inviolability. The legal formalization of digital sovereignty can indicate either the protection of statehood and personality or, on the contrary, their absorption by structures of the global order. As a result, such categories as "sovereignty, "statehood, or "personality" may eventually lose their actual meaning and real content. The conceptualization of the phenomenon of neurosovereignty and its implementation programs might be the future of the theory and practice of sovereignty.

Keywords: informatization, digitalization, state, artificial intelligence, electronic platform, NeuroNet, personality, neurosovereignty

For citation: Gavrilov E. O. Digital Sovereignty in the Context of Globalization: Philosophical and Legal Aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 146–152. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152

References

1. Sivash E. M. Questions of sovereignty are in the acts of Great French Revolution and the Holy Alliance. *Problemy zakonnosti*, 2011, (115): 228–237. (In Russ.)
2. Bredikhin A. L., Protsenko E. D. Principles and properties of State sovereignty. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal*, 2016, (3): 4–12. (In Russ.)
3. Reut O. Ch. Adjectives of sovereignty. Sovereignty as an adjective. *Polis. Political Studies*, 2007, (3): 115–124. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2007.03.09
4. Tokarev V. A. To the issue of the concept of the "sovereignty holder" (comparative legal analysis). *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2016, (3): 130–139. (In Russ.)
5. Zorina E. G. Informational sovereignty of contemporary state and the main instruments of its ensuring. *Izv. Saratov. Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, 17(3): 345–348. (In Russ.) DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348
6. Matuzov N. I. To the question of the sovereignty of the individual. *Pravovedenie*, 1994, (4): 3–14. (In Russ.)
7. Chernyak L. Yu. On the concept information sovereignty: theoretical and comparative and legal aspects. *Siberian Law Herald*, 2012, (3): 117–122. (In Russ.)
8. *Mass media and Internet: legal regulation problems*, comp. Monakhov V. N. Moscow: EKOPRINT, 2003, 320. (In Russ.)
9. Terenteva L. V. Concept of sovereignty in the conditions of global and information communication processes. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2017, (1): 187–200. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.187.200
10. Simonov V. A. Sovereignty: the problems of subjects. *Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2016, (1): 54–68. (In Russ.)
11. Bredihin A. L., Protsenko E. D. Sovereignty as a legal category. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, (9): 142–151. (In Russ.)
12. Boltanova E. S., Imekova M. P. Genetic information in the system of objects of civil rights. *Lex russica*, 2019, (6): 110–121. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.110-121
13. Ruzanova V. D. Legislation in the field of personal data as an institution of information legislation. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, 2019, 5(2): 15–22. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-2-15-22
14. Aliyeva G. V. Possibilities and limits of the safeguarding of intangible cultural heritage with the international system of human rights protection. *Legal Concept*, 2018, 17(3): 133–145. (In Russ.) DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2018.3.19
15. Bochkov S. I. *Problems of legal regulation of innovation activity*. Moscow: Mediatsentr, 2015, 46. (In Russ.)
16. Gavrilov E. O. Religiousness metamorphoses in modern Russia in the context of global social changes. *Tomsk State University Journal*, 2011, (352): 42–49. (In Russ.)
17. Boberach M., Neuburger R. Zukunftspfade Digitales Deutschland 2020. *HMD*, 2014, 51: 762–772. DOI: 10.1365/s40702-014-0087-z
18. Ronellenfitsch M. Protection of personal data in Germany and Europe. *Collection of articles on German law*, 2015, iss. 1, 48–54. (In Russ.)
19. Efremov A. A. Formation of the concept of information sovereignty of the state. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2017, (1): 201–215. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215
20. Konobeevskaya I. M. Digital rights as a new object of civil rights. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, 19(3): 330–334. (In Russ.) DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334
21. Kefeli I. F., Malmberg S. A. State information capacity as information sovereignty basis. *Administrative consulting*, 2019, (1): 29–39. (In Russ.) DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-29-39
22. Zhukova O. I., Zhukov V. D. On some aspects of moral relations in the age of the information society. *Communication strategies of the information society*: Proc. XI Intern. Sci.-Theor. Conf., St. Petersburg, October 25–26, 2019. St. Petersburg, 2019, 75–76. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License